

Л.В. Скворцов

ПЕРЦЕПЦИЯ И ИНФОРМАЦИЯ

В статье рассматривается, что происходит с истиной, когда объект реальной действительности превращается в информацию. Коль скоро реальность мира предстает в виде информации, это открывает возможность считать адекватной информацию без истины. Доказывается, что если информационный демиург формирует окружающий смысловой мир в соответствии со своей волей, то возникает возможность расщепления между формируемыми смыслами и истиной действительной жизни. Вместе с тем поведение приобретает ситуационный характер, информационная достоверность которого имеет приоритет по отношению к универсальным нравственным категориям добра и справедливости.

Ключевые слова: миропонимание; истина; информационный универсум; естественная информация; перцепция информации.

The paper analyses what happens to truth when a real object turns into information. As the reality of the world is represented in the form of information, it opens an opportunity to consider information adequate without it being true. The paper attempts to prove that if the information demiurge forms the world of meanings in accordance with his will, there appears a possibility of a split between the meanings being formed and the truth of real life. At the same time, behavior takes on a situational character, whose informational validity has priority over the universal moral categories of virtue and justice.

Keywords: world view; truth; information environment; natural information; information perception.

Оксфордский словарь английского языка определяет перцепцию как способность видеть, слышать или становиться осве-

домленным о чем-либо через посредство ощущений, как путь рассмотрения, понимания или интерпретации чего-либо [Concise Oxford English Dictionary, 2011, p. 1063].

Перцепция – это тот путь, который связывает Ego, т.е. внутреннюю сущность субъекта, с окружающим его миром. Познание мира обычно рассматривается как результат контакта через посредство перцепции, так что истина бытия полагалась продуктом *адекватного отражения*. Если органы ощущений человека находятся в нормальном состоянии, то человек через них получает *истинное знание*. Но что происходит с истиной, когда объект реальной действительности превращается в информацию?

Как известно, уже античная философия поставила под сомнение совпадение истины с перцепцией объектов реального мира. Ощущения обманывают человека: солнце он видит как диск размером с колесо, тогда как в действительности оно многократно превышает размер земного шара. Это касается и других форм перцептивного восприятия реальности.

Значит, истина добывается иным путем – путем мышления, позволяющего дать адекватную интерпретацию переменчивых ощущений и определить те константные свойства бытия, которые и совпадают с истиной. Следовательно, истина знания может не только отклоняться, но и противоречить представлениям, которые возникают на основе перцепции.

Однако если истина разума является отличной от эмпирической реальности, данной в перцепции, то тогда следует признать *удвоение мира* – мира, который складывается из всего многообразия ощущений – зрительных, слуховых, вкусовых, осязательных, обонятельных, – и мира, который возникает в результате смысловых комбинаций абстракций разума.

Противостояние гносеологии эмпиризма и рационализма с их убедительной аргументацией находит свое разрешение в специфическом агностицизме, который заключает весь внешний мир в «скобки», предлагая согласиться с предположением, что его «как бы» не существует, во всяком случае, не существует для истинного знания. И тогда человек начинает видеть себя в специфическом универсуме, в котором объективность реальности формируется внутренней интенцией человека: человек, обладающий интенцией, т.е. намерением, стремлением, всегда стремится к *чему-то, что он знает*. Это и есть тот *объект*, который существует реально и в то

же время о котором человек имеет знание, поскольку он является продуктом его интенции.

Каким бы парадоксальным ни казалось это миропонимание, оно в XX в. становится одним из ключевых факторов, определяющих мотивы, характер и смысл социального поведения. Это – своеобразная философия эпохи, которая становится все более доминирующей в эру информационного общества и возникновения глобального информационного универсума. Мир, окружающий сегодняшнего человека, – это мир плюрализма объективностей, данных в форме информации. Коль скоро реальность мира предстает в форме информации, она не затрагивает фактической и моральной реальности, и в этом заключается ее фундаментальная ущербность: *она открывает возможность считать адекватной информацию без истины*.

Следует заметить, что отчасти сама эволюция философской истины может подводить к такому заключению. На самом деле, для того чтобы получить адекватное представление о сущности Бытия, философ должен был оставить мир явлений, увидеть то, что находится за явлениями, это значит – разгадать тайну источника *игры теней*, которую, согласно Платону, видит человек и принимает за истину. Ученый, как и философ, не только описывает лежащие на поверхности явления окружающей действительности, но и проникает в их внутренний механизм, в клеточное строение и генетический код живых организмов. Но какая картина ему открывается при этом? Вместо прекрасной тропической птицы с удивительным оперением и уникальным пением он начинает видеть какую-то серую абстрактную картину точек, кривых линий, движение жидких масс. Но считается при этом, что он проникает в истину сущности жизни.

Как ведет себя, на что ориентируется молодой человек, который влюбляется в свою будущую спутницу жизни? Это – чудо красоты ее тела, выражение ее глаз, звучание ее голоса. Но если взглянуть на это тело с позиций анатомии, проникающей во внутреннюю сущность тела, то взгляд молодого человека может замереть от увиденной истины функционирования внутренних органов.

На этот аспект проблемы обратила внимание Ханна Арендт, которая писала: «Первенство явления – это факт повседневной жизни, который ни ученый, ни философ не в состоянии обойти... Против этих непоколебимых убеждений здравого смысла выступает вековое теоретическое превосходство Бытия и Истины над

простым явлением, т.е. превосходство почвы, которая не выходит на поверхность явления» [Арендт, 2013, с. 30–31].

Философская традиция, полагает Х. Арендт, трансформировала почву в причину, которая имеет более высокий ранг, нежели следствие. И это, считает Х. Арендт, – одно из самых давних и самых стойких метафизических заблуждений. «Оказалось, что ни один человек не может жить среди “причин” или на нормальном человеческом языке дать исчерпывающий отчет о Бытии, чья истина может быть научным образом доказана в лаборатории и проведена на практике в реальном мире при помощи техники» [Арендт, 2013, с. 31–32].

Таким образом, истина повседневной жизни начинает «расходитьься» с научной интерпретацией действительности. В контексте информационного общества проблема затронула бытие самого человека: что считать его сущностной истиной? Тот образ самого себя, который он «слепил» из обстоятельств своей жизни и «выложил» в сеть для всеобщего обозрения, или те его свойства, которые открываются в его медицинской карте и в служебных характеристиках, или же его свойства, отраженные в откликах окружающих его родственников, соседей и сослуживцев? В каждом случае человек так видится самому себе или видится своему окружению. Эти видимости могут быть миражами, которые быстро рассеиваются или, подобно движению солнца, его восходу утром и закату вечером, устоят против любого объема научной информации. «Это тот способ, каким явления Солнца и Земли неизбежно видятся всякому привязанному к земле созданию, которое не в силах изменить свое обиталище» [Арендт, 2013, с. 44].

Но как же человек будет видеть цивилизационную истину, находясь внутри действующих информационных систем? Не встает ли вообще проблема *формирования информационного универсума без истины?*

Всемирно-исторические конфессии приучают человека к восприятию божественного как порождающего явления жизни и судьбы людей, не являясь перед ними в своей подлинной сущности.

В информационном обществе возникает цивилизационная ситуация, при которой создатели информационных систем и программы определяют явления информационного общества и, в известном смысле, судьбы людей. Они остаются при этом невидимыми. Если информационный демиург формирует окружающий

людей смысловой мир в соответствии *со своей волей*, а не в соответствии с тем, что происходит в действительной жизни, то возникает возможность расщепления между формируемыми смыслами и истиной действительной жизни.

Рождается информационный мир, параллельный действительному миру и нагруженный своими специфическими видимостями, критерием которых является «полезность», а не «истинность». Этот процесс начинает получать свое концептуальное оформление. Характерна в этом отношении позиция сотрудника Отдела философии Института неврологии Университета штата Джорджа Андреа Скарантино и сотрудника Отдела философии Университета Миссури Гуалтиеро Пиччинини. Она сформулирована в статье «Информация без истины» [Scarantino, Piccinini, 2010]. Авторы формулируют свою позицию вполне внятно. Согласно тезису Достоверности (Veridicality thesis), информация требует истины. С этой точки зрения дым свидетельствует о наличии огня только в том случае, если огонь – это действительно огонь. Утверждение, что у Земли две Луны, имеет значение лишь в том случае, если действительно у Земли существуют две Луны.

Мы, утверждают авторы, отвергаем тезис Достоверности и доказываем, что основные понятия информации, используемые в когнитивной науке, позволяют «А иметь информацию о наличии Р даже тогда, когда Р ложно». Отвреждение тезиса Достоверности обусловлено взглядами, согласно которым (1) когниция включает в себя производство информации и (2I) компьютерные системы производят информацию [Scarantino, Piccinini, 2010, р. 313]. При этом делается отсыл к здоровому плюрализму в теории информации, допускающему виды информации, которые несовместимы с тезисом Достоверности.

Какие доводы позволяют легитимизировать информацию вне тезиса Достоверности? А. Скарантино и Г. Пиччинини считают, что применительно к информации правомерно использование *смешанной концепции*.

Тезису Достоверности не хватает различия между *двумя понятиями семантической информации*. Семантическая информация имеет дело с семантическим содержанием или *смыслом* сигналов. Существует по крайней мере два важных вида смысла, а именно естественный и ненатуральный смыслы. Такова точка зрения, высказанная Полем Грайсом в 1957 г. [Scarantino, Piccinini, 2010,

р. 314]. Естественный смысл иллюстрируется таким предложением: «Эти пятна на коже означают инфекционное заражение», что является истиной.

Ненатуральный смысл иллюстрируется предложением: «Эти три удара колокола означают, что автобус заполнен». Это является истиной, если даже автобус не заполнен [Scarantino, Piccinini, 2010, р. 315], поскольку относится к установленному правилу вообще, а не к тому, что происходит здесь и сейчас. Эти два понятия информации существенно различны, и чтобы определить, включает ли информация истину, нужно рассмотреть оба. Естественная информация ближе всего к тому понятию, которое, считают авторы, наиболее часто обсуждается такими философами, как Ф. Дрецке, Дж. Фодор, Р.Дж. Миликан, Дж. Коген и А. Мескин. С этой точки зрения критик может сказать, что понятие ненатуральной информации проблематично, поскольку оно включает интенциональный контент, т.е. декларативный, но не действительный контент. Ненатуральная информация не может быть использована для того, чтобы натурализовать интенциональность. И наша цель, утверждают авторы, не в том, чтобы натурализовать интенциональность, что пытаются сделать такие философы, как Ф. Дрецке, а понять ту центральную роль, которую играет информация в когнитивных и компьютерных науках (см.: [Scarantino, Piccinini, 2010, р. 315]).

Когда ситуация проясняется, можно принять решение о том, какому понятию информации теоретик будет следовать, могут ли пятна на коже нести естественную информацию об инфекции, если инфекция отсутствует. Может ли дым нести естественную информацию об огне, если огонь отсутствует? Может ли звук дверного колокольчика нести естественную информацию о ком-то, находящемся у двери, даже если там нет никого? Согласно П. Грайсу, ответ на эти вопросы только один – «Нет!».

Авторы отступают от этой стандартной позиции, утверждая, что передача естественной информации может включать в себя не более чем истину заявления о возможности. Сигналы такого рода несут натуральную информацию о возможности того, о чем они говорят. В этом смысле пятна на коже пациента несут естественную информацию об инфекции в том смысле, что пациент, имеющий пятна на коже, скорее мог подхватить инфекцию, нежели тот, кто таких пятен на коже не имеет. Если это признается, то тезис Достоверности может быть сформулирован следующим образом:

«Если система А имеет информацию о наличии Р, то тогда есть Р». Таким образом, важно отличать пробабилистскую натурульную информацию (В, возможно, является G) от естественной информации (В является G), которая следует принципу «все или ничего». Это различие имеет ключевое значение для толкования естественной информации [Scarantino, Piccinini, 2010, p. 316].

Теоретики естественной информации фокусируются, главным образом, на принципе «все или ничего» относительно естественной информации. Теория информации рассматривается как глава в теории познания, и поскольку, как считает Ф. Дрецке, знание требует истины, то и информация также ее требует. И с этим трудно не согласиться. Информация без истины или вопреки истине превращается в дезинформацию.

А. Скарантино и Г. Пиччинини, однако, считают, что такая позиция ведет к отрицанию натурульного характера пробабилистской информации: правильный тезис, что информация может подчиняться знанию, ошибочно отождествляется с ложным тезисом, что информация во всех случаях подчиняется знанию [Scarantino, Piccinini, 2010, p. 317]. *Значит, информация может и не подчиняться знанию.* Обращается внимание на известный природный факт, что организмы выживают и воспроизводят себя, настраивая на относящуюся к ситуации, но несовершенную корреляцию между внутренними состояниями и внешними стимулами, между окружающими стимулами, угрозами и возможностями: возникает звук приближающегося хищника, и начинается бег ланей; появляющаяся краснота зреющего яблока делает его привлекательным. Организмы могут ошибаться. Некоторые ошибки точно вызываются пробабилистской информацией о событиях, которую не удалось получить. Ключевой момент состоит в том, что неудача в получении такой информации сопоставима с неполучением естественной информации [Scarantino, Piccinini, 2010, p. 319].

Авторы анализируют пример П. Грайса с тремя ударами колокола, свидетельствующими о том, что автобус заполнен пассажирами. Но если водитель производит три удара колокола, когда автобус почти пуст, то в этом случае мы скажем, что три удара колокола означают ложную (ненатуральную) информацию о заполненности автобуса. Адвокаты тезиса Достоверности предлагают именно такую интерпретацию этого явления, полагая, что ложная информация в действительности информацией не является. Соот-

ветственно, они защищают применение тезиса Достоверности к ненатуральной информации. Наиболее аргументированную защиту этой позиции предлагает Л. Флориди, который расширяет аналогию, предложенную Ф. Дрецке, что ложная информация и де-зинформация – это такие же виды информации, как подсадная утка или резиновая утка, которые представляются настоящими утками. Эта аналогия представляется особенно уместной, если ее сопоставить с панорамой современных информационных войн, которая «усажена» информационными подсадными утками.

Механизм возможной информации «работает» так, что возможная информация подается как натуральная, и таким образом достигается нужный политический эффект здесь и сейчас. Открытие истины через определенное время, как кажется, значения не имеет. Пробирка, в которой заключено вещество, представляющее угрозу для человечества, становится основанием для начала военного вторжения в суверенное государство. Когда обнаруживается, что такое вещество в данном суверенном государстве не производится, это кажется освежающей, но несколько запоздавшей новостью, не имеющей действительного определяющего эффекта. Теоретическая «фишка» заключается в том, что информация о возможности, в данном случае не соответствующая тезису Достоверности, оказывается более эффективной, чем последующая информация о том же явлении, соответствующая тезису Достоверности. Кроме того, ясно, что компьютерщики включают как истинную, так и ложную информацию под рубрикой информации. Это становится дополнительным доводом считать ложную информацию информацией.

А. Скарантини и Г. Пиччинини также обращают внимание на *декларативную* ненатуральную информацию – вид информации, ассоциируемый с декларативными предложениями. Эта информация оценивается с точки зрения истины – она может быть истинной или ложной, но и ненатуральная ложная информация также считается информацией.

Существуют также формы ненатуральной информации, которые не подлежат оценке с точки зрения истины. К числу таких форм информации относится ненатуральная информация, которая не имеет оценки с точки зрения истины, например информация, представляющая указание, что нужно делать. Если вы говорите – «пристегните ремни», то вы представляете информацию для пассажиров

авиалайнера. Вы информируете, что нужно делать, но эта информация не оценивается с точки зрения истинности или ложности: она рассматривается с точки зрения ее фактической наличности.

А. Скарантино и Г. Пиччинини называют речевые акты, передающие информацию: команды, советы, запрещения, инструкции, разрешения, предположения, настояния, предупреждения, согласия, гарантии, приглашения, обещания, извинения, поздравления, приветствия и многие другие. Однако эти речевые акты не ставят своей целью что-то обрисовать.

Авторы обращаются также к оценке суждений, которые являются информацией, но в то же время не могут быть признаны в качестве безусловной истины. К их числу можно отнести следующее суждение: «В универсуме повсюду существует жизнь». Это – гипотетическая информация о том, что повсюду в универсуме мы можем обнаружить жизнь. Мы знаем, что это суждение не имеет реального подтверждения, однако это будет информацией, даже если мы знаем, что жизнь не существует во всех частях универсума.

Требовать от ненатуральной информации, чтобы она была истинной, считают авторы, – это значит не позволять нам понимать недекларативные речевые акты как имеющие что-то общее с передачей информации.

Аналогичные выводы можно сделать и в плане использования понятия «информация» в компьютерной науке. Компьютеры оперируют данными на основе инструкций. Данные и инструкции, которыми манипулируют компьютеры, внутренне идентичны, хотя и играют разную роль. Данные имеют семантический контент, компьютерные инструкции также интерпретируются семантически. Но инструкции не истинны и не ложны.

Таким образом, понятие информации охватывает различные формы семантического контента, которые могут быть истинными, ложными, а также неистинными и неложными. Это и позволяет авторам относить к информации ложные данные и ложные декларативные заявления.

Однако это коренным образом видоизменяет всю гносеологическую ситуацию. Возникает вопрос: почему философы, начиная со времен Античности, говорили о сакральности истины? Как оказывается, информационное общество, превращая информацию в универсальную среду жизни, принятия решений и массового поведения, уравнивает натулярную и ненатуральную информацию.

Происходит десакрализация истины. Приоритет и сакральность истины естественным образом начинают вытесняться из массового сознания, замещаясь *достоверностью отправления и получения* данных информации. Приоритет приобретает не истина *содержания* информации, а *эффект ее воздействия* независимо от того, как она оценивается с точки зрения истинности содержания. Происходит формирование качественно новой духовной среды, реагирующей на получаемый информационный посыл. Соответственно, происходит формирование специфических качеств массового сознания, однозначно реагирующего на информационные сигналы, их содержание без какой-либо оценки с позиций истины и неистины. Возникает *плуральный* субъект, обладающий однородными качествами информационных реакций и массового поведения. Поведение субъекта управляется информацией, которая, как правило, не поддается оценке, соответствующим критериям истины и неистины.

Принимая облегченное и не требующее критического самоопределения информационное управление всеми формами личного поведения, индивид утрачивает то, что называлось «духовностью», утрачивает личную идентичность, которая в своей основе видела совокупность универсальных нравственных и правовых принципов, объединенных двумя основными категориями – добра и справедливости. Поведение во всем многообразии жизненных ситуаций, их сложности и противоречивости сталкивалось с внутренними духовными границами, переступить которые означало потерять самого себя как позитивную личность и уважение своего социального окружения. Это то, что подпадает под понятие человечности, а значит, и взаимного отношения независимо от этнических, национальных, социальных и культурных спецификаций.

Теперь ситуация начинает меняться. Поведение обретает *сituационный характер*, информационная достоверность которого имеет приоритет по отношению к философским категориям добра и справедливости. Вместе с тем происходит постепенная деструкция оснований духовной коммуникации: если ослабевают универсальные нравственные и правовые ориентиры внутри личного самосознания, то формы коммуникации определяются изменяющимся характером жизненных ситуаций. Стоящие над ними универсальные нравственные и правовые ориентации воспринимаются как маниловщина и лицемерие.

Потенциальная безграничность характера жизненных ситуаций, а значит, и беспредельность их информационной достоверности становятся предпосылками формирования внутреннего мира личности, который не может иметь ни определенного начала, на твердой основе зрелой жизни, ни смыслового ее завершения.

Кардинальные изменения претерпевает и способность мышления. Если традиционно формирующаяся способность мышления позволяла отличать разум как концептуальное познание от рассудка как понимания восприятий, т.е. многообразия эмпирических реалий, то теперь все явления сознания воспринимаются как информация, внутренние различия которой опосредуются характером ее воздействия на принимаемые решения и формы поведения. Если определенность истины является основанием необходимости той или другой формы поведения, то достоверность бесконечного многообразия информации предопределяет случайный характер массового поведения.

В известном смысле можно рассматривать первоначальные стадии формирования и эволюции цивилизаций как стадии решения ключевой программы соединения случайных форм поведения и человеческих отношений с необходимыми формами, соответствующими интересам формирования устойчивых цивилизаций. Исходная истина в решении этой проблемы состоит в свободном подчинении личной воли тому закону, который обуславливает безусловную устойчивость цивилизации как целого.

Для того чтобы это превратилось в реальность массового поведения, должны возникать духовно-социальные образования, обладающие безусловным авторитетом, в котором социальная масса наряду с несомненным убеждением видит не только что-то полезное и необходимое для себя в силу каких-то конкретных причин, но и реальное выражение беспримесной истины и несокрушимой правды.

Именно выражение беспримесной истины и несокрушимой правды воспринималось критическим умом скептически, поскольку для безусловной доказательности истины такого восприятия необходимо эмпирическое видение универсального бесконечного. Универсальное бесконечное, недоступное зрительному, слуховому, тактильному, вкусовому, обонятельному восприятию, как невидимая душа мира влияет на возникновение внутренней гармонии рождающейся цивилизации, на метаморфозы ее исторических

форм. И только философия может делать видимой невидимую душу мира.

Список литературы

1. Арендт Х. Жизнь ума / Пер. с англ. Говорунова А.В. – СПб., 2013. – 517 с.
2. Concise Oxford English dictionary. – Oxford, 2011. – XXIX, 1682 p.
3. Scarantino A., Piccinini G. Information without truth // Metaphilosophy. – New Haven, 2010. – Vol. 41, N 3, April. – P. 313–330.